

311/03/
Э 68
102617

Сімейний Кружокъ при Третьяковъ Музей В.У.З. в.з. СѢВЕРЬ

Энциклопедія

Семейнаго Воспiанiя и Въченiя.

ВЫПУСКЪ III.

Н. О. Фесенко.

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ

ВЪ ДѢЛѢ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.

1898.

И М Г А
О П РА В Н О С Т И

Въ отдѣльной продажѣ этотъ выпускъ стоитъ 25 коп.

Условія подписки на 4 страницѣ обложки.

Выпуски «Энциклопедія» выходятъ *не періодически* въ *не въ порядкѣ* объявленной программы, а *по мѣрѣ* ихъ изготовления.

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ ВЫШЛИ:

1-й выпускъ. *П. Θ. Кантеревъ.* Задачи и основы семейнаго воспитанія. Ц. 30 к.

2-й выпускъ. *Алексій Н. Острогорскій.* Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. Ц. 30 к.

27-104)
«РОДИТЕЛЬСКИЙ КРУЖОКЪ» при Педагогич. музеѣ в.-уч. зав. въ СПБ.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ III.

Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей.

И. О. Фесенко.

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТН Я
БИБЛИОТЕКА

Редакторъ *П. Каптеревъ*.
Завѣдыв. изданіемъ *Алексѣя Альмедингеня*.
Адресъ редакціи: СПБ., Моховая, д. 1, кв. 6.

371(03)

+ 03:37

7-68

Дозволено цензуров. С.-Петербургъ, 6 іюля 1898 г.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, № 18.

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ ДѢЛѢ ПЕРВОНАЧАЛЬ- НАГО ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.

1.

Деревня предпочтительнѣе города при первоначальномъ воспитаніи дѣтей.

Деревня весною и лѣтомъ привлекательна, зимою и осенью скучна и невыносима! Жить въ деревнѣ осенью и зимой—Божье наказанье, Божья кара! Со скуки умереть можно!.. Между тѣмъ въ это время въ городахъ жизнь полна развлеченій и удовольствій, тамъ, особенно въ столицахъ, царятъ веселіе и радость. Такъ рассуждаютъ и старые, и молодые, и холостые, и женатые.

Между мотивами, оправдывающими переѣздъ изъ деревни на постоянное жительство въ городъ, между прочимъ, приходится слышать и указаніе на необходимость воспитанія дѣтей: въ городѣ, говорятъ, есть много учебныхъ заведеній, куда дѣтей возможно отдать, и при томъ не только гимназій, училищъ, но и школъ для первоначальнаго воспитанія и обученія. Въ деревнѣ же—нѣтъ ни средствъ, ни возможности заняться правильнымъ образованіемъ дѣтей, не только въ періодъ ихъ школьнаго возраста, но и въ годы, ему предшествующіе. Дѣти въ деревнѣ обыкновенно ровно ничего не дѣлаютъ—живутъ себѣ лишь среди природы и буквально ничѣмъ не заняты... Покинуть ихъ на произволъ судьбы нельзя—ихъ необходимо воспитывать, обучать, иначе

говоря, готовить къ жизни, къ будущей дѣятельности. Въ деревнѣ же всего этого, при всемъ желаніи, осуществить нельзя. Слѣдовательно, необходимо, въ цѣляхъ воспитанія и обученія дѣтей, поскорѣ покинуть деревню и перебраться въ городъ...

Таковъ одинъ изъ мотивовъ переѣзда семьи изъ деревни въ городъ. Въ немъ, конечно, есть своя доля правды: среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ деревнѣ нѣтъ, почему въ деревнѣ возможно дать дѣтямъ лишь первоначальное воспитаніе и обученіе; для дальнѣйшаго же ихъ образованія переѣздъ семьи въ городъ неминуемъ, такъ какъ здѣсь существуютъ всякія школы: гимназій, институты и даже университетъ. Оправдывая переѣздъ семьи изъ деревни въ городъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, едва ли возможно признать правильнымъ и желательнымъ такой переѣздъ въ до-школьный возрастъ дѣтей. Нужда, служба, всякіе иные интересы родителей могутъ побудить семью покинуть деревню, но оправдать ея переселеніе въ городъ удобствами и цѣлесообразностью первоначальнаго воспитанія дѣтей—рѣшительно невозможно.

Предпочтеніе города предъ деревнею въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей можетъ быть объясняемо лишь неправильнымъ понятіемъ о задачахъ и цѣляхъ первоначальнаго воспитанія, господствующимъ среди нашего общества: подъ словомъ первоначальное воспитаніе у насъ нерѣдко принято понимать не всестороннее развитіе силъ и способностей ребенка, а пріученіе его къ такимъ поступкамъ, манерамъ, которые характеризуютъ собою лишь самую утонченную вѣжливость и бонтонность. Кто изъ дѣтей обладаетъ подобными качествами умѣнья держать себя въ обществѣ, тотъ, обыкновенно, признается воспитаннымъ, и наоборотъ, о дѣтяхъ, невладѣющихъ этими качествами, замѣчаютъ, что они „мужики“. Отсюда, у нѣкоторыхъ готовъ даже и такой выводъ: деревня дѣйствуетъ скорѣе вредно, чѣмъ благотворно на первоначальное воспитаніе нашихъ дѣтей; отъ дѣтей, воспитанныхъ въ деревнѣ, не ждите ни хорошихъ

манерь, ни нѣжнаго деликатнаго обращенія... Дѣти, выросшія въ деревнѣ—это маленькіе *peasants* и такъ же грубы, какъ и наши мужики!

Не защищая красоты и не оправдывая изящества манерь у дѣтей „à la Moujik“, очевидно, однако, всякому, что задачи и цѣли первоначальнаго воспитанія отнюдь не могутъ быть ограничены лишь заботами о внѣшнемъ поведеніи дѣтей и о пріобрѣтеніи ими хорошихъ манерь; напротивъ,—цѣли первоначальнаго воспитанія должны касаться заботъ и попеченій о развитіи физическихъ и духовныхъ силъ, а равно и нравственныхъ способностей дѣтей; необходимо, чтобы не только внѣшняя, показная сторона обнаруживала въ поступкахъ и дѣйствіяхъ дѣтей ихъ полную благовоспитанность, но чтобы и ихъ внутренній душевный міръ вполне соответствовалъ бы ихъ внѣшнимъ дѣйствіямъ и поступкамъ: далѣе необходимо, чтобы всѣ ихъ духовныя силы и способности были правильно и разумно направлены къ ихъ дальнѣйшему всестороннему развитію.

При такой широкой постановкѣ задачъ и цѣлей первоначальнаго воспитанія дѣтей, само собою разумѣется, и трудъ родителей, главнымъ же образомъ, матери, далеко не такъ простъ и не такъ легокъ, какъ то можетъ показаться на первыхъ порахъ; исполняя вполне добросовѣстно и честно свои обязанности, каждая мать настолько окажется занятою своимъ дѣломъ, что ей не будетъ времени ни скучать, ни томиться деревенской жизнью. У нея есть дѣло—дѣло святое: воспитаніе дѣтей, подготовленіе ихъ, сначала, къ школьнымъ занятіямъ, а затѣмъ къ широкой и полезной дѣятельности на общую пользу, на пользу родины. Но независимо отъ занятій съ дѣтьми, каждая мать всегда можетъ распределить свое время въ деревнѣ такъ, что часть его окажется возможнымъ посвятить и на занятія чисто личнаго характера, которыя, удовлетворяя ея потребностямъ въ сферѣ общественныхъ и иныхъ интересовъ, могутъ повлечь замѣтное улучшеніе матеріальныхъ средствъ, какими располагаетъ семья въ деревнѣ. Возможно допустить,

что нѣкоторыя условія и деревенской жизни не вполне благоприятны развитію силъ и способностей ребенка; тѣмъ не менѣе, въ общей суммѣ своего воздѣйствія, влияние условій жизни въ городахъ все же окажется дѣйствующимъ болѣе пагубно на развитіе физическихъ силъ и психической жизни дѣтей, чѣмъ въ деревняхъ. Если же необходимо выбирать городъ или деревню, то изъ двухъ золь слѣдуетъ избрать меньшее. А жизнь въ деревнѣ, какъ увидимъ, далека отъ того, чтобы быть зломъ, хотя бы и малымъ.

II.

Главнѣйшіе недостатки и неудобства жизни въ большихъ городахъ.

Къ числу самыхъ главныхъ, и существенныхъ признаковъ строя городской жизни, а въ особенности крупныхъ центровъ городскихъ поселеній, слѣдуетъ отнести *торговость, помпезность*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значительную *искусственность* и *условность* всѣхъ дѣлъ и поступковъ городскихъ обывателей. Если жителей деревень возможно причислить къ флегматикамъ, то жителей городовъ—къ сангвникамъ. Это опредѣленіе, несомнѣнно, неточное въ своемъ примѣненіи къ каждому изъ городскихъ и сельскихъ обывателей, вполне, однако, правильно въ отношеніи общаго тона жизни въ городахъ и въ деревнѣ. Торгово-промышленная статистика съ давнихъ поръ установила крайне интересный и любопытный фактъ сбыта часовъ въ различные пункты и мѣста городскихъ поселеній, фабричныхъ мѣстностей и, наконецъ, деревень: оказывается, что наибольшій сбытъ часовъ выпадаетъ на долю городскихъ обывателей и менѣе—на долю жителей селъ, деревень; фабричныя же мѣстности въ этомъ отношеніи болѣе приближаются къ городамъ, чѣмъ къ деревнямъ и селамъ. Приведенный фактъ ясно показываетъ, что городскіе обыватели болѣе нуждаются въ знаніи времени дня и ночи, чѣмъ обыватели

деревень, и далѣе, что они настолько заняты, что не могутъ жить иначе, какъ по часамъ.

Разнообразіе дѣятельности въ городахъ, значительность и разнородность интересовъ, стремленіе къ наивозможно быстрому обогащенію для немедленнаго же удовлетворенія тысячи разнообразныхъ желаній,—все это и тому подобное обуславливаетъ подѣль часъ (въ особенности въ столицахъ) по истинѣ невѣроятную торопливость и спѣшность жизни городскихъ обывателей. Для городского обывателя дня слишкомъ мало и даже болѣе—недостаточно и цѣлыхъ сутокъ, и если онъ иногда и жалѣеть о чемъ, то лишь о томъ, что въ суткахъ не 36, а 24 часа. Горожане вѣчно заняты и вѣчно озабочены своими дѣлами; чѣмъ многочисленнѣе городъ, тѣмъ болѣе въ немъ и движенія или—какъ принято выражаться—болѣе жизни. Въ очень населенныхъ центрахъ жизнь дѣйствительно „бьетъ ключемъ“ и люди доходятъ до того, что обѣдаютъ и завтракаютъ на ходу и были бы очень рады, если бы могли тоже примѣнить и къ сну. Замѣчательно, что ту же торопливость жизни и спѣшность исполненія въ дѣлахъ проявляютъ не только люди дѣловые, занятые какими-либо торгово-промышленными оборотами и предпріятіями, но и матеріально совершенно обеспеченные, которые, казалось, не должны бы проявлять общаго настроенія толпы. Вліяніе этой послѣдней настолько велико и настолько могущественно, что ему невольно подчиняются и совершенно праздные люди: въ городахъ также живутъ по часамъ имѣющіе въ своемъ распоряженіи безграничное и никакимъ полезнымъ дѣломъ незанятое время.

Въ связи съ торопливостью жизни горожанъ находится еще *искусственность* этой послѣдней, связанная съ соблюденіемъ извѣстныхъ условныхъ приличій и обычаевъ.

По словамъ одного изъ извѣстныхъ нашихъ педагоговъ ¹⁾, „городскія дѣти, живущія почти круглый годъ въ большихъ городахъ, проводятъ свое время въ обстановкѣ совершенно

¹⁾ См. „Воспит. и Обуч.“ 1892, № 5. Стр. 171.

искусственной: у нихъ постоянно передъ глазами громадныя каменные ящики, въ одномъ изъ которыхъ помѣщается школа, а въ другомъ—квартира ихъ родителей; между этими двумя ящиками, на пути въ школу, другіе такіе же. Свѣта и воздуха мало; кромѣ обычныхъ, естественныхъ времениъ года есть еще полицейскія: полицейская или городская весна—безъ снѣга, но и безъ солнца, безъ тепла, замедленная городская зима; за то по вечерамъ много уличныхъ фонарей, свѣтъ ночью. Природа въ большомъ городѣ исчезаетъ и замѣняется искусствомъ: природу не скоро отыщешь не только въ городѣ, но и за городомъ, развѣ уѣдешь подальше куда-нибудь“.

Сообразно съ искусственной обстановкой, и весь распорядокъ жизни въ городахъ также искусственный: дѣти часто не во время ѣдятъ, не во время занимаются, не во время ложатся спать. А у взрослыхъ ночь прямо превращается въ день, а день въ ночь: ночью и работаютъ, и веселятся, а днемъ спятъ. На дѣтяхъ, ихъ образѣ жизни подобныя условія дѣятельности взрослыхъ неизбежно отражаются и отражаются крайне вредно.

Во многихъ семействахъ, проживающихъ въ крупныхъ городахъ, особенно же въ столицахъ, искусственность жизни доведена до такой степени, что дѣти обращаются въ совершенно дѣланыхъ человѣчковъ, постоянно соразмѣряющихъ всѣ свои поступки и всѣ свои желанія съ требованіями и желаніями среды. Всякая самобытность, своеобразие и оригинальность въ поступкахъ, дѣйствіяхъ и сужденіяхъ дѣтей тщательно изгнаны, и дѣти буквально превращены въ живыхъ манекеновъ. По внѣшности, такія дѣти представляютъ собою умѣло и своеобразно выдрессированныхъ животныхъ, которыя все дѣлаютъ по извѣстной программѣ и согласно требованіямъ этикета и условныхъ приличій. Въ извѣстное время они являются въ гостиницу, смиренно и спокойно остаются вблизи матери или воспитательницы, всегда необыкновенно логичны въ своихъ отвѣтахъ и никогда не посягаютъ что-либо сказать свыше заранее заученныхъ

фразъ и словъ ¹⁾. Ту же искусственность и то же условное приличіе въ городахъ вносятъ даже въ игры и въ забавы дѣтей—и здѣсь нѣтъ ни свободы, ни естественности, ни самобытности, ни оригинальности проявленія дѣтской натуры! Все соразмѣрено, все устроено по извѣстному *ранжирю* и сообразно тому, какъ это принято условными приличіями и требованіями данной среды.

Въ деревнѣ жизнь протекаетъ иначе—искусственно не поглощаетъ всѣхъ помысловъ и стремленій ея обывателей: все происходитъ болѣе просто и нѣтъ тѣхъ тысячей формальностей и этикетовъ, которые, нодъ часъ, дѣлаютъ самую жизнь вполне невыносимою. Съ пріѣздомъ гостей или знакомыхъ, дѣти не изгоняются изъ парадныхъ комнатъ или обратно — не приводятся на минуту въ гостинную разряженными и затѣмъ не уводятся обратно въ дѣтскую. Точно также въ играхъ, въ забавахъ дѣти предоставлены сами себѣ и они забавляются не тѣмъ, чѣмъ имъ приказано или преподано, а тѣмъ, что для нихъ интересно и забавно.

Указанныя нами особенности жизни городовъ—вѣчная торопливость и всеобщая искусственность—обнаруживаютъ

---

¹⁾ Типъ такого рода дѣтей мастерски очерченъ Бѣлинскимъ въ одномъ изъ его критическихъ разборовъ книгъ для дѣтскаго чтенія (Т. I. Стр. 515. Сочин. Бѣлинскаго, изд. Ф. Павленкова): „дѣтя, говорить онъ, обучается скрывать свои чувства, не хватается жадно за то, что жадно желаетъ, не обнаруживаетъ удивленія и радости тому что его радуетъ и удивляетъ, обучается, словомъ, приличію, тому, обучается жертвовать всѣми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человѣческими! Въ дѣтяхъ, прошедшихъ такую школу, всегда замѣтно особенное спокойствіе, постоянная равнота духа, все у нихъ такъ соразмѣрно, такъ прилично. Цѣна этому результату очень дорогая: онъ достигается только послѣ того, какъ въ дѣтяхъ будетъ убита всякая жизнь и живость и изъ нихъ будутъ сдѣланы попугай и милыя куклы, о которыхъ всѣ говорить: ахъ, какъ хорошо они воспитываются! Да! дѣйствительно! Даже китайскіе мандаринъ, эти высокіе идеалы и образцы природы искаженной и умершей отъ искусственности, даже они — ничто предъ этими милыми, благовоспитанными дѣтьми“.

вполнѣ соответственное вліяніе на ходъ и строй семейной жизни. Отцы и матери вѣчно заняты, вѣчно у нихъ дѣла и занятія. Какъ бы ни была предана мать интересамъ семьи, но она все же не можетъ устраниваться отъ общаго потока, какъ будничныхъ, такъ, въ особенности, праздничныхъ занятій и развлеченій городскихъ обывателей. Жизнь требуетъ выполненія тысячи пустыхъ и бесполезныхъ формальностей и избѣгать ихъ нѣтъ силъ и возможности. Такъ принято, такъ поступаютъ все—нельзя же жить внѣ общества, нельзя не поддерживать знакомствъ и добрыхъ отношеній, они вѣдь въ жизни такъ необходимы, порою же такъ важны и такъ существенны. Та же торопливость, поспѣшность, а вмѣстѣ и искусственность жизни невольно переносятся матерями и въ сферу ихъ заботъ о первоначальномъ воспитаніи ихъ дѣтей: не говоря о томъ, что на воспитаніе дѣтей, за недостаткомъ свободнаго времени, мало обращается должнаго вниманія, самое воспитаніе ввѣряется „наемнымъ“ лицамъ, всегда съ завистью и съ злорадствомъ смотрящимъ на мать, преданную инымъ занятіямъ или, вѣрнѣе, постояннымъ развлеченіямъ. Область же этихъ послѣднихъ въ городскихъ поселеніяхъ настолько велика и разнообразна, что бѣдныя матери буквально не имѣютъ возможности быть съ своими дѣтьми. Въ послѣднее время столь широко распространенная въ городахъ игра въ благотворительность до такой степени увлекаетъ нашихъ матерей, что они *буквально* забываютъ и семью, и дѣтей: постоянныя и непрерывныя засѣданія, устройство благотворительныхъ вечеровъ, спектаклей, празднествъ и тому подобныхъ занятій поглощаютъ все время нашихъ матерей... И ихъ винить нельзя: онѣ дѣйствительно заняты добрымъ дѣломъ, онѣ приносятъ пользу мѣстному обществу, но, увы! все это, нерѣдко, дѣлается въ ущербъ собственнымъ интересамъ, интересамъ родной семьи... Городская суетливая и искусственная жизнь всецѣло захватываетъ мать въ свои объятія, и дѣти остаются исключительно на попеченіи нянь и гувернантокъ! Матери некогда, у нея нѣтъ ни минуты свободной—то визиты, то засѣданія,

то приемы, то обѣды, то рауты, то вечера, то балы, то базары и т. д., и т. д. Жизнь протекаетъ съ часами въ рукахъ, а въ головѣ одна лишь мысль—какъ бы не опоздать и какъ бы всюду поспѣть. Если ко всему этому еще прибавить заботы о костюмахъ, разъѣзды по моднымъ магазинамъ, портнихамъ, то дѣйствительно у матери нѣтъ времени и она должна непремѣнно торопиться, чтобы вездѣ поспѣть и нигдѣ не опоздать!

Не смотря на столь живую и, повидимому, полную возбужденій жизнь, въ ней, однако, мало естественности, мало серьезнаго, глубокаго интереса: искренность чувства, правдивость замѣняются этикетомъ и тысячами условныхъ приличій, при чемъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, происходитъ лишь своеобразная и искусственно придуманная „джигитовка“ для достиженія или личныхъ какихъ-либо цѣлей, или просто для пріятнаго развлеченія и веселаго препровожденія времени среди милыхъ и пріятныхъ знакомыхъ и веселыхъ собесѣдниковъ. Искусственность жизни мало по малу глубоко проникаетъ и въ самую семью, а отсюда переносится и на первоначальное воспитаніе.

Въ деревнѣ искусственность жизни если и возможна, то она или является не въ такой силѣ, или обнаруживается гораздо рѣже. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду жизнь въ деревнѣ въ полномъ смыслѣ этого слова, а не дачную жизнь, которая ровно ничѣмъ не отличается отъ городской, за исключеніемъ, быть можетъ, чистоты воздуха и прогулокъ въ паркахъ: здѣсь царятъ та же искусственность и тѣ же условныя приличія, которые если не всегда, то очень и очень часто пагубно вліяютъ на правильный и нормальный ходъ развитія умственныхъ силъ и способностей дѣтей.

Таково первое, главное и въ высшей степени существенное вліяніе условій жизни городовъ на каждаго изъ взрослыхъ членовъ семьи, которое невольно переносится и въ дѣтскую: естественность, свободное развитіе чувствъ, желаній, дѣйствій и поступковъ—все скрывается тысячами этикетовъ, условностей, и дѣти, въ концѣ концовъ, превра-

щакотся въ тѣ оранжерейныя растенія, которыя, производя пріятное впечатлѣніе своею внѣшностью, въ то же время оказываются непригодными для дѣйствительной жизни. Духовныя силы и способности дѣтей являются всецѣло опутанными подобными условіями жизни и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи быстро принимаютъ тѣ формы и тѣ образы, какіе сложились подъ вліяніемъ тѣхъ же условій у взрослыхъ. Отсюда вполне естественно и вполне нормально то явленіе, какое мы замѣчаемъ у дѣтей, выросшихъ среди городской подобной обстановки: это не простыя дѣти, а дѣти — взрослые и даже болѣе, дѣти — старики, которые въ своихъ бесѣдахъ и разговорахъ со взрослыми и съ дѣтьми обнаруживаютъ много ума, поразительной опытности и знанія жизни... Но все это ими пріобрѣтено искусственно и все это ими усвоено лишь по внѣшности... Внутренній же ихъ міръ пусть, жалокъ и настолько изуродованъ и исковерканъ, что многія изъ нихъ представляютъ уже готовыхъ кандидатовъ въ больницы душевныхъ больныхъ. Для жизни, въ истинномъ смыслѣ этого слова, они не пригодны и быстро сводятъ концы съ жизнью, какъ вполне слабые и истощенные организмы, благодаря ненормальному ходу развитія ихъ физическихъ и духовныхъ силъ въ періодъ дѣтства. Причиной подобнаго печальнаго явленія, по преимуществу, и являются тѣ ненормальныя условія, въ какія дѣти были поставлены въ первые годы своего дошкольнаго воспитанія, когда дарованныя имъ природою способности впервые получаютъ толчки для своего послѣдующаго развитія. Въ этомъ отношеніи далеко небезразлично, каковы эти толчки, эти импульсы дальнѣйшаго развитія физическихъ и духовныхъ силъ: въ правильномъ и нормальномъ воздѣйствіи на послѣдующій ходъ и развитіе этихъ послѣднихъ и скрыта задача и цѣль разумнаго дошкольнаго воспитанія и обученія дѣтей.

III.

Неблагопріятныя вліянія городской жизни на первоначальное воспитаніе дѣтей: отсутствіе близкаго общенія между родителями и дѣтьми, ранняя наклонность дѣтей къ развлеченіямъ, холодность къ ближнимъ.

Существенное отличіе первоначальнаго воспитанія отъ всякаго послѣдующаго, получаемаго дѣтьми въ школахъ, главнымъ образомъ заключается въ томъ, что при первоначальномъ воспитаніи ребенокъ впервые получаетъ какъ-бы толчки, или—точнѣе — возбужденія въ дѣлѣ развитія всѣхъ силъ и способностей своего организма; въ школу ребенокъ является уже съ извѣстнымъ запасомъ развитія умственныхъ силъ и способностей, которыя впервые начали свое дѣйствіе подъ вліяніемъ условій до-школьной жизни. Вотъ почему первая впечатлѣнія, пріобрѣтенныя ребенкомъ въ до-школьный періодъ его жизни, являются и наиболѣе сильными, и наиболѣе продуктивными въ смыслѣ ихъ вліянія на дальнѣйшее развитіе его духовныхъ силъ и способностей. Исходя изъ этого положенія, всѣми педагогами признаваемаго за аксіому, необходимо придти къ тому заключенію, что различіе условій жизни въ городѣ и въ деревнѣ неминуемо должно проявиться и въ различіи результатовъ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей, а поэтому далеко безразлично, какъ то думаютъ нѣкоторые, гдѣ дѣти получили первоначальное воспитаніе и обученіе: въ деревнѣ или городѣ? Вслѣдствіе указанныхъ своеобразныхъ условій жизни въ городѣ, дѣти сравнительно менѣе проводятъ время вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, а также и съ другими членами семьи, чѣмъ при жизни въ деревнѣ.—При сельской жизни дѣти далеко не столь тщательно и заботливо удаляются изъ гостинной въ дѣтскую на попеченіе нянь и гувернантокъ, какъ то сплошь и рядомъ случается въ городахъ: патріархальность семейной жизни болѣе сохранилась въ семьяхъ, живущихъ въ дерев-

няхъ, чѣмъ въ семьяхъ, поселившихся въ городахъ. Возможное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ, быть можетъ, семейства, проживающія въ уѣздныхъ и отчасти мелкихъ губернскихъ городахъ, гдѣ теченіе жизни близко подходитъ къ условіямъ жизни въ деревнѣ. Сравнительно тѣсное сближеніе дѣтей съ родителями, обусловливаемое обстановкой деревенской жизни, создаетъ болѣе устойчивое воздѣйствіе отца и матери на воспитаніе дѣтей, и это совершенно понятно: жизнь городскихъ дѣтей, протекающая въ большинствѣ случаевъ въ дѣтской, среди постороннихъ и чуждыхъ имъ по крови и духу людей, невольно получаетъ типъ и характеръ, вполне отличный отъ жизни ихъ родителей. Вотъ почему сравнительная сплоченность жизни семьи, живущей въ деревнѣ, гдѣ всѣ члены большую часть времени проводятъ во взаимномъ общеніи и обмѣнѣ мыслей, представляетъ собою несомнѣнно болѣе благоприятныя условія для развитія въ дѣтяхъ альтруистическихъ чувствъ, чѣмъ постоянная разъединенность семьи и пребываніе дѣтей среди „чужихъ“, внѣ постоянного общенія съ отцомъ и съ матерью, благодаря чему у нихъ открывается широкій просторъ развитію эгоистическихъ стремленій. Какъ бы ни были сердечны и мягки отношенія „чужихъ“ къ дѣтямъ, все-же они никогда не могутъ замѣнить подобныхъ отношеній родителей къ ихъ дѣтямъ, ни вызвать въ сердцахъ этихъ послѣднихъ равныхъ по нѣжности и глубинѣ чувствъ любви, симпатій или иныхъ сходныхъ имъ волненій. Подобнаго рода общеніе дѣтей съ родителями всегда оставляетъ глубокіе и неизгладимые слѣды въ сферѣ духовной жизни какъ тѣхъ, такъ и другихъ: не только дѣйствія, поступки, но даже слова и выраженія родителей и дѣтей на долгое время (если не навсегда) сохраняются въ душѣ какъ дѣтей, такъ и родителей. Подобныя минуты никогда не забываются и часто вспоминаются дѣтьми и родителями, какъ время лучшей и счастливой ихъ жизни. При такихъ условіяхъ, очевидно, почва для развитія въ дѣтяхъ альтруистическихъ

чувствъ является вполнѣ благопріятной и болѣе продуктивной, чѣмъ то можетъ обнаружиться при общеніи дѣтей съ „чужими“, хотя и добрыми, но, все-таки, далеко не близкими душѣ и сердцу. Само собой разумѣется, что въ данномъ случаѣ не малую роль играютъ личности отца и матери, а также личности другихъ членовъ семьи, окружающихъ ребенка: какъ бы ни были благопріятны внѣшнія условія для нравственнаго воспитанія дѣтей, успѣхъ этого послѣдняго, въ значительной степени, будетъ зависѣть отъ взглядовъ, дѣйствій и поступковъ лицъ, окружающихъ дѣтей и оказывающихъ на нихъ извѣстное вліяніе. При равныхъ же условіяхъ, т. е. при вполнѣ благотворномъ воздѣйствіи родителей на развитіе альтруистическихъ чувствъ въ ихъ дѣтяхъ, условія деревенской жизни, несомнѣнно, окажутся всегда болѣе благопріятными, чѣмъ городской. Ребенокъ въ деревнѣ настолько привыкаетъ къ семьѣ, что многое усваиваетъ не только сознательно, но и вполнѣ инстинктивно, путемъ подражанія. Подъ вліяніемъ такихъ условій легко и удобно возникаютъ привычки, остающіяся не рѣдко за тѣмъ на всю жизнь. Само собою разумѣется, задача воспитателя, въ этомъ случаѣ, сводится къ насажденію и развитію въ дѣтяхъ хорошихъ привычекъ и къ устраненію дурныхъ. Задача эта вообще не легкая, но она является неизмѣримо болѣе трудной въ городахъ, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ кругъ лицъ, вліяющихъ на духовное развитіе дѣтей, болѣе ограниченъ; самое-же главное, въ деревнѣ нѣтъ, да и не можетъ быть, тѣхъ неожиданныхъ воздѣйствій на дѣтей, какія родители не рѣдко встрѣчаютъ въ условіяхъ городской жизни... Всякіе вечера, балы, дѣтскіе театры, катанье на конькахъ, ежедневныя прогулки съ няньками, боннами, гувернатками въ скверахъ, садахъ, все это и тому подобное настолько вредно вліяетъ на дѣтскую натуру, благодаря тысячѣ самыхъ неожиданныхъ и разнородныхъ условій, крайне неблагопріятныхъ для развитія дѣтей, что дѣти изъ вполнѣ послушныхъ, тихихъ и скромныхъ превращаются въ непослушныхъ, грубыхъ и сильно раздраженныхъ эгонистичныхъ существъ. Правда, съ

подобными неблагоприятными условиями воспитатель может встрѣтиться и въ деревнѣ, но эти условия далеко не столь трудно уловимы, какъ то бываетъ сплошь и рядомъ въ городахъ, гдѣ жизнь протекаетъ слишкомъ разнообразно и гдѣ искусственность дѣтскихъ развлеченій достигаетъ своего апогея, причемъ пользованіе этими послѣдними родители считаютъ для своихъ дѣтей и необходимымъ, и полезнымъ.

Намъ не разъ приходилось слышать жалобы городскихъ матерей, что ихъ дѣти стали рано проявлять симпатіи къ роскоши, любовь къ развлеченіямъ взрослыхъ, не рѣдко грубо и настойчиво предъявляя требованія во что бы ни стало удовлетворить ихъ желанія... А между тѣмъ во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: все это является лишь результатомъ тѣхъ условий жизни, въ канія поставлены дѣти въ городахъ и устранить которыя родители не въ силахъ. Деревня, если и знаетъ подобныя развлеченія, то во 1-хъ они не являются столь частыми, какъ въ городахъ, а во 2-хъ эти развлеченія никогда не обставляются тою роскошью и такими аксессуарами, какія всегда господствуютъ въ городахъ и какія дѣйствуютъ по преимуществу на ту сферу удовольствій растительной и животной жизни дѣтей, которая и безъ того всегда сильна въ дѣтскомъ организмѣ.

Такимъ образомъ условия деревенской жизни, несомнѣнно, болѣе способствуютъ, съ одной стороны, сближенію родителей съ дѣтьми, вызывая неволью постоянный и взаимный обмѣнъ мыслей и чувствъ, а съ другой—въ значительной степени устраняють дѣтей отъ преждевременнаго пользованія удовольствіями взрослыхъ, которыя, дѣйствуя пагубно на здоровье дѣтей, неволью вводятъ ихъ въ кругъ желаній, стремленій и впечатлѣній, вредно влияющихъ на развитіе ихъ чувствъ вообще, а альтруистическихъ— въ особенности. Чувства же эти служатъ основами нравственныхъ понятій, которыя явятся впоследствии, при дальнѣйшемъ развитіи дѣтскаго характера въ періодъ школьнаго возраста.

Независимо отъ этого, отсутствіе искусственности въ об-

становкѣ деревенской жизни, постоянная и совмѣстная жизнь дѣтей съ родителями, среди крестьянскаго населенія, всецѣло прикрѣпленнаго къ землѣ, душою и сердцемъ преданнаго интересамъ роднаго угла, все это неминуемо должно способствовать развитію въ дѣтяхъ любви и симпатій къ мѣстнымъ условіямъ жизни, къ мѣстнымъ людямъ и къ ихъ обыденнымъ интересамъ. А отсюда въ ихъ душѣ зарождается любовь къ родинѣ, недопускающая безразличнаго космополитизма, которымъ не рѣдко богаты дѣти, исключительно проживающія въ городахъ.

Дѣти, никогда не жившія въ деревнѣ, родившіяся и проведшія всю свою юность въ городѣ, настолько должны оказаться оторванными отъ земли, что самое понятие о родинѣ, объ отечествѣ у нихъ неминуемо должно быть инымъ, чѣмъ то, какое имѣютъ дѣти, воспитанныя въ деревнѣ, среди природы и населенія, исключительно снискивающаго средства для своего существованія путемъ обработки почвы, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Жизнь въ городахъ болѣе располагаетъ къ космополитизму, къ тому взгляду на людей и ихъ взаимныя отношенія, который поддерживаетъ справедливость поговорки, что отечество, родина тамъ, гдѣ хорошо живется (*ubi bene—ibi patria*), но не тамъ, гдѣ прошли лучшіе годы дѣтства, юности. Какъ, гдѣ и въ чемъ могутъ выразиться эти связи и эти симпатіи городскихъ дѣтей къ природѣ и къ жизни окружающихъ ихъ людей? Въ теченіе всей юности они или постоянно жили замуравленными въ стѣнахъ городской квартиры, или переѣзжали изъ одного этажа въ другой, оставаясь исключительно въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ жизни: всѣ они въ теченіе своего дѣтства видѣли не людей жизни, а лицъ, искусственно проводящихъ время въ занятіяхъ, однородныхъ съ тѣми, какими занимаются жители городовъ всѣхъ государствъ и всѣхъ странъ... Не удивительно, что при такихъ условіяхъ въ дѣтяхъ слишкомъ рано развивается чувство безразличія къ интересамъ окружающей ихъ обстановки и жизни людей, какое немислимо и невозможно встрѣтить въ дѣтяхъ, воспитанныхъ въ деревнѣ,

102617

въ условіяхъ, вполнѣ отличныхъ отъ тысячи подобныхъ: усадьба, садъ, лѣсъ, прудъ, мельница, село, деревенская церковь, общая топографія мѣстности, люди, все, все это оказывается въ своемъ особенномъ родѣ, чего нельзя встрѣтить гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Каждый уголокъ въ домѣ, въ саду, во дворѣ—все это родное и притомъ такое оригинальное, какого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Всякая, даже самая простая, деревенская обстановка, имѣя, быть можетъ, много сходства съ другими, далека, однако, отъ тождественности, и вотъ всѣ эти то мелочи, особенности и своеобразности данной мѣстности, данного уголка и создаютъ почву для любви къ родинѣ, къ извѣстной мѣстности и къ извѣстнымъ людямъ. Что же могутъ представить города, гдѣ все устроено по однородному и подчасъ вполнѣ тождественному масштабу—ряды комнатъ съ однообразнымъ наименованіемъ, съ тою-же обстановкою, какая встрѣчается повсюду въ каждой квартирѣ? Явились новыя лица, но они представляютъ собою, въ словахъ, дѣйствіяхъ и поступкахъ, то, что говорили и дѣлали прежніе; для ребенка, для юноши, вполнѣ безразлично, жить ли ему при старой городской обстановкѣ, или при новой—нѣтъ въ этой послѣдней никакихъ особенностей и никакой разницы съ тѣмъ, что было ранѣе, все одно и то же!.. Живется хорошо—ну, очевидно, нѣтъ ни повода, ни основаній вспоминать о чемъ то прошломъ, дорогомъ и миломъ для сердца. Почва для воспринятія всякихъ космополитическихъ устоевъ жизни въ городахъ оказывается вполнѣ благотворной, при чемъ полная оторванность отъ родного угла создаетъ въ зрѣлые годы въ душѣ челоуѣка такую пустоту и такую скуку жизни, что невольно является желаніе привязаться къ землѣ, къ извѣстному углу, гдѣ и найти себѣ утѣшеніе въ старости. Результатомъ такихъ условій городской жизни и было обнаруживавшееся въ послѣднее время своеобразное стремленіе многихъ, покинувъ города, перебраться не только навсегда въ деревню, но и посвятить свои силы труду крестьянъ, который связываетъ ихъ съ землею, создавая любовь къ родинѣ, къ извѣстному

мѣсту, любви, которая, подъ вліяніемъ космополитическихъ стремленій, исчезаетъ въ сердцахъ горожанъ.

Намъ могутъ замѣтить, что съ наступленіемъ школьнаго возраста родителямъ невольно прійдется покинуть деревню и переѣхать въ городъ, гдѣ жизнь дѣтей неминуемо должна подвергнуться тѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ, отъ вліянія которыхъ они были тщательно оберегаемы въ періодъ ихъ до-школьной жизни. Очевидно, уберечь ихъ отъ подобнаго вліянія и подобнаго воздѣйствія среды, общества нѣтъ возможности—необходимо передѣлать все наше общество, весь строй нашей жизни, что не только трудно, но даже—невозможно.

Въ этомъ случаѣ существуетъ, однако, нѣкоторая разница: съ наступленіемъ школьнаго возраста, другими словами, съ началомъ регулярнаго посѣщенія дѣтьми среднихъ учебныхъ заведеній, ихъ жизнь рѣзко измѣняется и они оказываются далеко не столь свободными для постоянныхъ и непрерывныхъ развлеченій и удовольствій, какъ то сплошь и рядомъ бываетъ съ дѣтьми, еще не поступившими въ школу. Домашняя дисциплина, какъ бы ни были строги и взыскательны родители, далеко не та, въ какую попадаютъ дѣти въ учебныхъ заведеніяхъ: благодаря урокамъ и ежедневнымъ занятіямъ и при томъ въ строго опредѣленные часы, дѣти оказываются далеко не столь свободными, какъ въ періодъ ихъ до-школьной жизни и занятій, когда одинъ урокъ свободно замѣняется другимъ или, по усмотрѣнію родителей, переносится съ одного дня на другой, или, что еще хуже, допускается продолжительный перерывъ въ самыхъ занятіяхъ. Къ развлеченіямъ дѣтей, уже поступившихъ въ школу, тѣ же родители относятся болѣе строго и болѣе внимательно, памятуя, что ихъ дѣти могутъ, при полученіи дурныхъ отмѣтокъ, остаться или въ томъ же классѣ, или же быть неотпущенными къ нимъ (въ закрытыхъ заведеніяхъ) въ праздничные дни. Словомъ, дѣти, начавъ посѣщать школу, становятся занятыми *дѣломъ* и при томъ такимъ, за точнымъ исполненіемъ котораго зорко слѣдитъ школьное начальство. Времени

поэтому для забавъ и развлеченій у нихъ слишкомъ мало и волей-неволей приходится тѣмъ же дѣтямъ всякими развлеченіями пользоваться болѣе умѣренно.

Но независимо отъ этого, къ началу школьныхъ занятій—9, 10 и 12 лѣтъ—дѣти физически оказываются уже настолько окрѣпшими, что „недосыпаніе“ и временное неумѣренное развлеченіе далеко не дѣйствуютъ столь губительно, какъ въ періодъ ихъ жизни, начиная съ 5—6 и до 10 лѣтъ. Въ связи съ этимъ, у дѣтей подобнаго возраста настолько уже развита любознательность, что ихъ уже занимаютъ развлеченія болѣе высшаго характера, чѣмъ удовольствія животныхъ и растительныхъ процессовъ. Спора нѣтъ, что и въ періодъ школьной жизни вредное вліяніе условій жизни городовъ можетъ (и должно) оказать свое вліяніе, но это вліяніе, во всякомъ случаѣ, можетъ (и должно) въ значительной степени парализоваться воспитательнымъ вліяніемъ самой школы.

IV.

Гигіеническія неудобства первоначальнаго воспитанія дѣтей въ городѣ.

Если вопросъ о значеніи условій жизни въ деревнѣ въ дѣлѣ подготовки дѣтей къ болѣе прочному нравственному развитію многимъ родителямъ представляется вполне безразличнымъ, то удобства, польза и вообще выгоды деревенской жизни для физическаго развитія дѣтей и ихъ здоровья для всѣхъ безспорны и вполне очевидны. Поэтому вдаваться въ ихъ подробное изложеніе едва ли необходимо,—точно также какъ и долго останавливаться на антигигіеничности обстановки нашихъ городовъ. Для нашей цѣли достаточно лишь ограничиться указаніемъ на нѣкоторыя существенно важныя условія жизни городовъ, которыя въ дѣлѣ, какъ первоначальнаго, такъ и послѣдующаго воспитанія дѣтей имѣютъ крайне серьезное значеніе. Къ числу условій, наиболѣе вредно вліяющихъ на развитіе физическихъ силъ въ городахъ, слѣдуетъ отнести вполне антигигіеническое устрой-

ство жилищъ и дагѣе — широкое расиространеніе въ про-
дажѣ фальсификаціи предметовъ потребленія. Мы оста-
вляемъ въ сторонѣ такія общія условія антигигіенности
жизни городовъ, какъ загрязненіе воздуха, почвы, воды,
полное отсутствіе свѣта и воздуха, благодаря нераціо-
нально расположеннымъ строеніямъ—все это общеизвѣстные
факты и, къ сожалѣнію, къ ихъ возможному устраненію
и само общество, и мѣстныя общественныя и административ-
ныя власти мало или вовсе не прилагаютъ достаточныхъ
заботъ и попеченій. Въ послѣднее время, болѣе чѣмъ когда-
либо, не только у насъ въ Россіи, но и за границею стало
обнаруживаться замѣтное стремленіе жителей селъ и дере-
вень къ переселенію въ города и, въ особенности, въ круп-
ные центры городскихъ поселеній, главнымъ же образомъ—
въ столицы и обширные пункты торгово-промышленной дѣя-
тельности. Съ умноженіемъ населенія въ городахъ и, въ
особенности, въ столицахъ явилась необходимость въ уве-
личеніи общаго числа квартиръ, что повлекло за собою со-
оруженіе многоэтажныхъ домовъ, а также приспособленіе
подвальныхъ этажей подъ квартиры преимущественно лицъ
мало-состоятельныхъ. Если подвальные помѣщенія или слиш-
комъ рѣдко, или почти никогда не занимаются семьями, имѣю-
щими средній достатокъ для безбѣднаго существованія, то
верхніе этажи—4 и 5—почти сплошь и рядомъ бывають за-
няты этими послѣдними. А между тѣмъ, какъ показали изслѣ-
дованія послѣдняго времени, верхніе этажи столь же вредны
въ гигіеническомъ отношеніи, какъ и подвальные: по даннымъ,
напр., послѣднихъ переписей въ Берлинѣ, оказалось, что наи-
меньшая смертность встрѣчается въ бель-этажѣ, а именно
21,6 на 1000 живыхъ; книзу и кверху отъ бель-этажа умираетъ,
въ среднемъ 22,0 на 1000, а именно: въ подвалахъ—
25,3; въ третьемъ этажѣ 21,8; въ четвертомъ 22,6; въ пятомъ
этажѣ и выше—28,2.

Говоря о вредѣ жизни въ верхнихъ этажахъ, необходимо
имѣть въ виду, что ихъ антигигіеническія условія зависятъ
не только отъ ихъ расположенія вообще, но и отъ скучен-

ности и тѣсноты помѣщеній, что находится въ зависимости отъ дороговизны квартиръ въ городахъ. — Гигиенистами постоянно высказывается мнѣніе о необходимости, въ цѣляхъ оздоровленія городовъ, устройства въ нихъ деревянныхъ одноэтажныхъ, небольшихъ домовъ, съ большими дворами и садами, но оно навсегда останется *pium desiderium*, а вмѣстѣ съ этимъ останется и вредное вліяніе городовъ на здоровье и жизнь дѣтей, не только проживающихъ въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, но и въ верхнихъ этажахъ. Отсюда ясно, что семьи, съ среднимъ достаткомъ, а таковыхъ большинство, всегда будутъ селиться въ верхнихъ этажахъ и, такимъ образомъ, невольнo ставить жизнь своихъ дѣтей въ условія неблагоприятныя въ гигиеническомъ отношеніи.

Избѣжать всего этого возможно лишь въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ ни подвальныхъ помѣщеній, ни 4—5 этажныхъ домовъ, и гдѣ жизнь дѣтей въ этомъ отношеніи поставлена въ условія, вполне благоприятныя. Какъ бы городскіе обыватели третьихъ, четвертыхъ и пятыхъ этажей ни заботились объ установленіи въ ихъ квартирахъ вполне благоприятныхъ, въ гигиеническомъ отношеніи, условій жизни—сдѣлать этого они не могутъ: многоэтажные дома, по своей конструкціи, всегда располагаютъ и будутъ располагать узкими и тѣсными дворами, постояннымъ недостаткомъ свѣта и чистаго воздуха и далѣе—трудностью полной изоляціи отъ всякаго рода заразныхъ и другихъ болѣзней, въ виду значительнаго числа квартиръ, расположенныхъ по одной и той же лѣстницѣ.

Столь же труднымъ и, даже болѣе, вполне невозможнымъ является при жизни въ городахъ избѣжать употребленія въ пищу фальсифицированныхъ предметовъ первой необходимости. Въ последнее время поддѣлки пищевыхъ продуктовъ достигли такой степени совершенства и приняли такіе обширные размѣры, что невольнo приходится удивляться уму и изобрѣтательности человѣчества, сознательно направляющаго свою дѣятельность на уничтоженіе и разстройство жизни и здоровья всѣхъ и каждого!.. Фаль-

сификація предметовъ первой необходимости вызвана исключительно условіями жизни въ городахъ: благодаря дороговизнѣ жизни, всякому, конечно, болѣе пріятно пріобрѣтать „хорошее“ за возможно дешевой цѣну. Этому-то стремленію и удовлетворяетъ поддѣлка — она замѣняетъ хорошее дурнымъ и, скрывая это отъ покупателя, продаетъ, по внѣшнему виду вполне, яко бы, хорошее за цѣну менѣе той, какая существуетъ за предметы неподдѣльные. Насколько сильно развита фальсификація въ городахъ — извѣстно всякому. Конечно, предметы фальсификаціи могутъ проникать и въ деревню, но во-1-хъ, сфера ихъ распространенія въ деревнѣ не столь значительна, какъ въ городахъ, а во-2-хъ, фальсификація въ деревнѣ никогда не распространяется на предметы пищевые — какъ-то: на молоко, масло и т. п., что составляетъ главную и существенную часть питанія дѣтей въ до-школьный періодъ и что обыкновенно не покупается, а является продуктами собственного хозяйства.

Такимъ образомъ, въ городахъ гигиеническія условія жилищъ и питанія никогда не могутъ быть благопріятными для развитія физическихъ силъ дѣтей, почему и физическое воспитаніе дѣтей, какъ бы оно, повидимому, ни было гигиенично обставлено въ другихъ отношеніяхъ, въ городахъ не можетъ дать вполне благопріятныхъ результатовъ.

Между тѣмъ, подобныя негигиеничныя условія жизни городовъ въ особенности оказываются вредными въ періодъ до-школьного возраста, иначе говоря—въ періодъ первоначальнаго физическаго воспитанія дѣтей, когда происходитъ усиленный ростъ тканей и когда требуется вполне здоровый и вполне питательный матеріалъ для роста и увеличенія всѣхъ органовъ тѣла. Съ наступленіемъ же школьнаго возраста, съ 9—10—12 лѣтъ, всѣ органы и всѣ части тѣла дѣлаются болѣе устойчивыми и болѣе способными переносить всякія вредныя вліянія и воздѣйствія извнѣ, безъ замѣтныхъ измѣненій. Въ виду удобства жизни въ деревнѣ, какъ въ этомъ отношеніи, такъ и во многихъ другихъ, всякая мать, любящая своихъ дѣтей и преданная заботамъ о

правильномъ ихъ воспитаніи, не можетъ желать переѣзда въ городъ... и если къ этому она бываетъ вынуждаема силою условій своей жизни, то, поступая такъ, она невольнo дѣлается лишь жертвою обстоятельствъ, побѣдить которыя она не въ состояніи. Если же, напротивъ, переѣздъ въ городъ вызывается лишь ея желаніемъ, жаждою удовольствія и развлеченій, стремленіемъ къ удовлетворенію лишь своихъ эгоистическихъ помысловъ, то такая мать — преступница: она губить здоровье своихъ дѣтей и губить его вполне сознательно. Для такой матери нѣтъ и не можетъ быть никакихъ извиненій и оправданій!.. Такая мать не жертва обстоятельствъ жизни, побѣдить которыя она была не въ силахъ, а жертва времени и собственного эгоизма!

V.

Преимущества жизни въ деревнѣ предъ городской въ дѣлѣ первоначальнаго умственнаго развитія дѣтей.

Теперь слѣдуетъ рассмотреть вопросъ: насколько условія жизни въ деревнѣ могутъ содѣйствовать болѣе правильному и болѣе успѣшному развитію умственныхъ силъ и способностей дѣтей, въ сравненіи съ условіями жизни въ городахъ? При этомъ представляется въ высшей степени важнымъ опредѣлить: насколько дѣти, получившія первоначальное воспитаніе и обученіе въ деревнѣ, являются подготовленными къ успѣшному прохожденію курса среднихъ учебныхъ заведеній. Ставя подобный вопросъ, мы имѣемъ въ виду не сумму книжныхъ познаній, пріобрѣтенныхъ дѣтьми въ семьѣ, при поступленіи ихъ въ среднее учебное заведеніе, а общее ихъ духовное развитіе и сумму пріобрѣтенныхъ ими фактовъ и впечатлѣній, путемъ личнаго наблюденія.

Жизнь дѣтей въ деревнѣ — жизнь свободная и чуждая искусственности, нераздѣльная съ природою. Ребенокъ, живя среди природы, имѣетъ свою воспитательницей ту же при-

роду. Въ городѣ его воспитываютъ городскія условія жизни... Кто же долженъ быть признанъ лучшею воспитательницею: природа или жизнь нашихъ городовъ? „Дѣйствительно, деревенская обстановка, по словамъ одного изъ бывшихъ педагоговъ (Стебута, П. А.), не изобилуетъ разнообразіемъ предметовъ и явленій, которыми такъ богаты города, способствуетъ болѣе правильному и прочному духовному, умственному развитію дитяти, хотя, быть можетъ, и нѣсколько медленному. Въ городахъ ребенокъ воспитывается на улицѣ, у оконъ магазиновъ, на домашнихъ балахъ, въ театрахъ, музеяхъ, общественныхъ садахъ и т. п. мѣстахъ: онъ поддается разнообразіемъ получаемыхъ впечатлѣній, не успѣваетъ усвоить одно впечатлѣніе, какъ получаетъ уже второе“. „Не эти ли условія воспитываютъ въ нашемъ молодомъ поколѣніи разбѣянность и поверхностность?“ „Въ деревнѣ, наоборотъ, ребенокъ не получаетъ такой массы разнородныхъ впечатлѣній и притомъ въ очень короткое время: онъ, напротивъ, побуждается позолгу и нераздѣльно отдаваться наблюденію одного какого либо явленія, одного какого либо впечатлѣнія. Далѣе, въ деревнѣ ребенокъ ближе къ неодушевленной природѣ, онъ наблюдаетъ ее здѣсь и въ отдѣльныхъ явленіяхъ, и въ болѣе ясныхъ для него взаимныхъ отношеніяхъ этихъ послѣднихъ, опредѣляющихъ гармонию въ природѣ. Всѣ явленія природы воспринимаются имъ здѣсь цѣльными, а потому и запечатлѣваются въ немъ гораздо сильнѣе. Въ немъ воспитываются, такимъ образомъ, *согредоточенность* и глубина наблюденія и мысли. Въ городѣ люди живутъ другъ къ другу ближе въ отношеніи раздѣляющаго ихъ разстоянія, но зато, болѣею частью, очень далеко по своимъ интересамъ. Это воспитываетъ въ человѣкѣ крайній эгоизмъ. Въ деревнѣ иначе, люди ближе другъ къ другу по своимъ интересамъ, хотя и дальше другъ отъ друга по раздѣляющему ихъ разстоянію“.

Указавъ въ общихъ чертахъ на условія жизни въ деревнѣ, болѣе благопріятствующія правильному духовному развитію дѣтей, Стебуть ставитъ слѣдующій, въ высшей степени инте-

ресный, вопросъ: „быть можетъ, говоритъ онъ, воспитаніе въ деревенской обстановкѣ важно не для всѣхъ, а лишь для будущаго сельскаго хозяина?“ и вотъ какой онъ даетъ отвѣтъ: „каждому русскому интеллигентному человѣку необходимо знать нашего простолюдина-сельчанина съ его міровозрѣніемъ, съ его бытовыми и экономическими условіями жизни, такъ какъ иначе первому трудно производительно прийти на помощь другому или имѣть съ этимъ послѣднимъ какое либо дѣло“.

Вполнѣ раздѣляя подобный взглядъ профессора Стебута на необходимость всякому и каждому знакомства съ жизнью нашихъ крестьянъ, позволимъ себѣ еще добавить, что дѣтскіе годы, проведенные въ деревнѣ, имѣютъ въ своемъ результатѣ много и другихъ преимуществъ духовнаго развитія, содѣйствуя болѣе широкому и всестороннему росту душевныхъ способностей дѣтей, а именно—развитію *наблюдательности*, съ одной стороны, а съ другой—болѣе прочному и ясному пониманію *законности* и *причинности* всѣхъ явленій природы и жизни человѣка.

Изъ многихъ качествъ нашего духа способность наблюденія является наиболѣе цѣнной, какъ въ области практической жизни—для взрослыхъ, такъ и для успѣховъ въ школьныхъ занятіяхъ дѣтей. Развигіе этой способности находится въ тѣсной зависимости отъ дѣятельности нашихъ внѣшнихъ чувствъ, главнымъ же образомъ зрѣнія, слуха и осязанія: дѣйствительно, очень многое изъ того, что мы можемъ наблюдать, мы должны или видѣть, или слышать, или осязать. Говоря такъ, самую способность наблюденія мы понимаемъ не какъ простое умѣнье только видѣть предметы вообще, но видѣть ихъ въ тѣхъ мелочахъ и деталяхъ, которыя имъ присущи; слышать не только какіе либо звуки, крикъ, говоръ, но, не видя даже предметовъ, ихъ производящихъ, отличать ихъ особенности и разныя частности. Само собою разумѣется, что и при участіи другихъ чувствъ—вкуса, обонянія мы имѣемъ полную возможность проявлять способность наблюденія, но сфера участія

и дѣятельности этихъ чувствъ въ нашей обыденной жизни крайне ограничена и едва ли заслуживаетъ особаго упоминанія.

Жизнь дѣтей въ деревнѣ протекаетъ среди природы, среди тысячи самыхъ разнородныхъ ея фактовъ и явленій и уже одного этого вполне достаточно для того, чтобы дѣти вполне свободно и вполне нормально усваивали себѣ разнородныя впечатлѣнія изъ окружающаго ихъ міра. То наглядное обученіе, какое школы и дѣтскіе сады предоставляютъ дѣтямъ въ городахъ, всегда уже готово для дѣтей, живущихъ въ деревнѣ, въ окружающей ихъ природѣ, и при этомъ обученіе далеко не столь жалкое, мизерное, а подчасъ даже и уродливое, какое городскія дѣти получаютъ по моделямъ, рисункамъ и чертежамъ. Въ деревнѣ ребенокъ непосредственно сталкивается съ природою въ ея разнородныхъ проявленіяхъ: богатый міръ растительной жизни, разнообразіе формъ животныхъ, оригинальныя породы минераловъ, — все это и тому подобное представляетъ собою неисчерпаемый источникъ пріобрѣтенія дѣтьми самыхъ разнородныхъ впечатлѣній, знакомства съ фактами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наблюденій надъ ихъ взаимоотношеніями. Сорванный цвѣтокъ, пойманная букашка, собранные куски камней, ракушекъ—все это служить дѣтямъ предметами для постояннаго ихъ наблюденія, и при этомъ то, что было сегодня упущено ими изъ вниманія, то завтра, при новомъ общеніи ихъ съ тѣми же предметами, не только пополняется вообще, но пополняется съ избыткомъ, въ видѣ воспріятія новыхъ, ранѣе упущенныхъ изъ вниманія, фактовъ, явленій и ихъ взаимныхъ отношеній.

Природа въ деревнѣ, при всемъ кажущемся ея разнообразіи, измѣняется, однако, крайне медленно, при чемъ это измѣненіе идетъ настолько постоянно и незамѣтно, что ребенку всегда представляется возможность ежедневнаго воспріятія однихъ и тѣхъ же фактовъ. Это же условіе своимъ результатомъ имѣетъ болѣе прочное усвоеніе фактовъ чрезъ ихъ постоянное и ежедневное повтореніе. То же

явленіе наблюдается и въ жизни людей, живущихъ въ деревнѣ — здѣсь нѣтъ той быстрой смѣны явленій во внѣшней жизни людей, какая присуща жизни въ городахъ, почему ребенокъ, видя одно и то же, невольно начинаетъ обращать вниманіе на тѣ частности и на тѣ детали, какія имъ были упущены при первомъ знакомствѣ. Замѣтите при этомъ, что подобное однообразіе фактовъ и явленій ребенокъ видитъ и наблюдаетъ не одинъ лишь годъ, но въ теченіе многихъ лѣтъ, почему воспринятыя имъ факты невольно сильно запечатлѣваются въ его мозгу рядомъ съ тѣми ихъ частностями, какія въ наблюдаемыхъ предметахъ являются въ извѣстномъ взаимномъ другъ къ другу соотношеніи. Все это, въ концѣ концовъ, развиваетъ въ ребенкѣ навыкъ, смотря на какой-либо предметъ, сразу охватывать его всесторонне и подмѣчать въ немъ то, чего другіе замѣтить не могутъ.

Постоянное, изъ года въ годъ, производимое дѣтми созерцаніе явленій и фактовъ ихъ окружающей природы и жизни, изоцряя ихъ способность наблюденія, въ то же время устанавливаетъ въ ихъ душѣ сознаніе какъ постоянства самихъ явленій, такъ и ихъ строго опредѣленной зависимости отъ извѣстныхъ причинъ; другими словами, въ ихъ душѣ мало по малу крѣпнеть сознаніе законности и причинности всѣхъ явленій въ природѣ и въ жизни человѣка. Понятіе о произволѣ является имъ не только понятіемъ чуждымъ, но и чѣмъ то ненормальнымъ, неестественнымъ и вполнѣ несогласнымъ съ тѣмъ, что ими было усвоено и пріобрѣтено путемъ наблюденія.

Живя нераздѣльно съ природою, дѣти, проведенія свои до-школьные годы среди разнообразныхъ ея условій, настолько успѣваютъ усвоить причинность если не всѣхъ, то очень и очень многихъ изъ окружающихъ ихъ фактовъ и явленій, что невольно переносятъ ту же зависимость—причины и послѣдствій—и въ область своихъ дѣйствій и своихъ поступковъ. Отсюда ясно, насколько жизнь въ деревнѣ является благоприятною почвою для упроченія нравственныхъ началъ

въ дальнѣйшемъ школьномъ развитіи дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ сферѣ ихъ научнаго образованія, такъ какъ, повторяю, дѣти, проведеншія свое дѣтство въ деревнѣ, не только болѣе знакомы съ явленіями и фактами изъ жизни природы и людей, но уже успѣли усвоить то основное начало всякаго знанія (науки), что извѣстныя причины всегда порождаютъ извѣстныя послѣдствія.

Какъ велика разница въ суммѣ общихъ понятій и представленій о явленіяхъ изъ жизни природы и дѣятельности людей у дѣтей, живущихъ въ деревнѣ и въ городѣ, для разъясненія этого позволимъ себѣ сослаться на изслѣдованіе ¹⁾ одного ученаго, Карла Ланге, произведшаго наблюденія надъ нѣмецкими школьниками. Въ результатѣ его изслѣдованій оказалось, что изъ 500 спрошенныхъ имъ *городскихъ* дѣтей шестилѣтняго возраста, вновь поступившихъ въ школу,

82% не имѣли никакого представленія о восходѣ солнца;

77% " " " " закатѣ "

37% никогда не видали поля, засеваемаго хлѣбомъ;

49% " " ни одного пруда;

80% " " жаворонка;

82% " " дуба;

49% ничего не знали о Богѣ;

37% никогда не бывали въ лѣсу;

29% " " " на какой-либо рѣкѣ;

52% " " " ни на какой горѣ;

57% " " " ни въ одной деревнѣ;

50% " " " въ церкви;

72% не могли разсказать, какъ изъ ржи дѣлается хлѣбъ.

При такихъ условіяхъ возможно ли ожидать, чтобы дѣти, проведеншія все свое дѣтство въ городѣ и не имѣющія столь элементарныхъ понятій о томъ, что такое деревня, рѣка, закатъ солнца, жаворонокъ, лѣсъ и т. п., могли съ успѣхомъ вести школьныя занятія? Какихъ невѣроятныхъ усилій и

¹⁾ Karl Lange. Ueber Apperception. Eine psychologisch-paedagogische Monographie. Plauen. S. 58—56.

трудова̄ должно стоить дѣтямъ усвоеніе представленій о такихъ предметахъ, какихъ они никогда не видѣли, не наблюдали? Да и возможно ли исполнѣть *точно* и сознательно усвоить все то, о чемъ не имѣется никакого представленія? Исслѣдованія того же ученаго констатируютъ намъ и тогъ, въ высшей степени интересный фактъ, что далеко не всѣ и деревенскія дѣти имѣли ясное представленіе и понятіе о тѣхъ же предметахъ; такъ изъ 300 учениковъ деревенскихъ школъ:

- 8% никогда не видали пахатной земли;
- 14% " " ни одного пруда;
- 30% " " " " жаворонка;
- 43% " " " " дуба;
- 14% " не были въ лѣсу;
- 18% не были ни у ручья, ни у рѣчки;
- 26% не были ни на одной горѣ;
- 51% не были въ церкви (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно не было церквей);
- 37% не могли рассказать, какъ изъ ржи дѣлается хлѣбъ;
- 34% ничего не знали о Богѣ.

Приведенныя нами исслѣдованія Карла Ланге ясно указываютъ:

1) Что дѣти, родившіяся и все время жившія въ городахъ, имѣютъ, въ сравненіи съ деревенскими дѣтьми, менѣе представленій и понятій о фактахъ и явленіяхъ изъ природы и жизни людей.

2) Съ другой стороны, дѣти, постоянно живущія въ деревнѣ, далеко не всѣ имѣютъ понятіе и представленіе о фактахъ и явленіяхъ, ихъ окружающихъ.

Причину послѣдняго явленія слѣдуетъ искать въ исключительности условій обстановки дѣтей, живущихъ въ деревнѣ, а также въ нѣкоторыхъ индивидуальных особенностяхъ ихъ характера и духовныхъ способностей, главнымъ же образомъ въ томъ, что они, живя въ деревнѣ, не были поставлены взрослыми въ условія, исполнѣть благоприятныя для воспріятія фактовъ и явленій окружающей ихъ природы и жизни лю-

дей. На это послѣднее, существенно-важное, условіе воспитателю дѣтей, живущихъ въ деревнѣ, слѣдуетъ, очевидно, обратить особенное вниманіе и, по мѣрѣ силъ, облегчать и содѣйствовать дѣтямъ въ дѣлѣ ихъ наблюденія всего того, что ихъ окружаетъ. Подобная дѣятельность воспитателя важна не только какъ содѣйствующая увеличенію общаго запаса свѣдѣній, приобретаемаго дѣтьми, но и какъ облегчающая наблюденіе частности, легко упускаемыхъ изъ вниманія. Въ зависимости же отъ суммы приобретенныхъ понятій и представленій, безъ сомнѣнія, находится легкость или трудность усвоенія тѣхъ систематическихъ познаній, какія входятъ въ программу среднихъ общеобразовательныхъ школъ.

Мы не имѣемъ возможности въ настоящее время входить въ подробности и частности обсужденія того вопроса, насколько успѣхи дѣтей въ отдѣльныхъ предметахъ, составляющихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, находятся въ зависимости отъ суммы впечатлѣній и фактовъ, усвоенныхъ ими путемъ простаго наблюденія явленій природы и жизни людей, такъ какъ такое изслѣдованіе завело бы насъ въ область специальныхъ вопросовъ, болѣе интересныхъ педагогамъ-специалистамъ, чѣмъ матерямъ; тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи позволимъ себѣ привести мнѣніе одного изъ нашихъ ученыхъ, выясняющаго, насколько въ дѣлѣ успѣховъ изученія такого предмета, какъ напр. исторія, дѣти, прожившія до-школьные годы въ деревнѣ, являются болѣе подготовленными, чѣмъ дѣти городовъ... „Въ интересахъ школьнаго обученія“, замѣтилъ проф. Овсяниковъ ¹⁾ въ одномъ изъ записокъ с.-петербургскаго педагогическаго общества, при обсужденіи достоинствъ одного изъ учебниковъ русской исторіи“, знакомство съ жизнью русскаго народа должно быть первою ступенью историческаго изученія нашей родины, а отнюдь не знакомство съ фиктивною по былинамъ жизнью другихъ народовъ—полянь, сѣверянъ и т. п. По-знакомить учениковъ съ жизнью русскаго народа—священ-

¹⁾ „Семья и Школа“ 1872 г. Кн. 4. Стр. 93.

ная обязанность преподавателя, который приступает къ изученію исторіи... Какъ народъ встрѣчаетъ весну, когда подули теплыя весенніе вѣтры, когда красное солнышко согрѣло застылую землю, когда съ горъ потекли вешнія воды и когда нашъ труженикъ-крестьянинъ призывается къ дѣятельности изъ дурной и душной избы на проталенки, на чистое поле и привольные луги; какъ онъ совершаетъ праздникъ семика въ зеленыхъ дуболахъ, гдѣ дѣвушки завиваютъ вѣнки зеленые, пускаютъ вѣнки эти въ рѣку быстро и ставятъ березки кудрявыя въ избахъ и предъ ними; какъ крестьяне празднуютъ святки, сопровождаемыя ворожбою, гаданьями, святочными пѣснями; какъ совершаютъ хорошея игры на горахъ и долинахъ, начиная съ красной весны; какъ народъ проводитъ время въ ночь на Ивановъ день, какъ онъ празднуетъ Троицынъ день, Вербное Воскресенье, масленицу и т. д., и т. д."... Предоставляемъ судить самому читателю, кто болѣе знакомъ съ подобными фактами—дѣти ли, проведеншія свои до-школьные годы въ деревнѣ или прозябавшія въ городѣ среди подчасъ мрачныхъ, грязныхъ улицъ, домовъ и торговыхъ помѣщеній?

Подводя итоги всему нами сказанному, необходимо придти къ тому заключенію, что условія жизни въ деревнѣ, въ сравненіи съ подобными же условіями въ городѣ, способствуютъ развитію способности наблюденія, въ то же время предоставляютъ дѣтямъ возможность пріобрѣтенія большей суммы представленій и понятій о фактахъ и явленіяхъ природы и жизни людей. Находясь въ постоянномъ общеніи съ природою и пользуясь тою же способностью наблюденія, дѣти незамѣтно пріобрѣтаютъ привычку все ими воспринимаемое сравнивать и далѣе—обобщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ душѣ постоянно все болѣе и болѣе укрѣпляется мысль о причинности, неизмѣнности и постоянствѣ явленій въ зависимости отъ однихъ и тѣхъ же причинъ. Все это, взятое въ своей совокупности, представляетъ, безъ сомнѣнія, крайне прочный базисъ для успѣшныхъ послѣдующихъ школьныхъ занятій различными отраслями познаній. Въ своемъ же

конечномъ результатѣ, какъ привычки къ наблюденію, къ постоянному сравненію, такъ и постоянное сознаніе причинности наблюдаемыхъ явленій, неминуемо должны оказатъ вполне благотворное вліяніе на развитіе самостоятельности, что важно не только въ интересахъ успѣховъ школьнаго обученія, но и въ интересахъ успѣха въ жизни за предѣлами школы.

VI.

Деревня болѣе удобное мѣсто, чѣмъ городъ, для пробужденія эстетическаго и религіознаго чувствованій въ дѣтяхъ.

Наша задача—выяснить вліяніе условій деревенской жизни въ дѣлѣ первоначальнаго развитія духовныхъ силъ и способностей дѣтей—была бы не выполнена, если бы мы обошли полнымъ молчаніемъ вопросъ о первоначальномъ воспитаніи въ дѣтяхъ эстетическихъ и религіозныхъ чувствъ.

Деревня и въ этомъ отношеніи имѣетъ неоспоримыя преимущества предъ условіями жизни въ городахъ. Гдѣ же и въ чемъ, какъ не въ природѣ и не въ ея разнообразныхъ фактахъ и явленіяхъ, ребенокъ впервые можетъ получить правильный и благотворный толчекъ для вполне успѣшнаго въ будущемъ развитія его эстетическихъ и религіозныхъ чувствъ?

Все прекрасное присуще природѣ. Въ тысячѣ разнообразныхъ фактовъ и явленій ребенокъ пріучается видѣть красоту и величіе природы. Ради забавы и развлеченій собираемые имъ цвѣты даютъ ему богатый запасъ представленій о нормальномъ и о вполне пріятномъ для глаза сочетаніи красокъ и расположеніи отдѣльныхъ частей. Безграницная же комбинація различныхъ оттѣнковъ цвѣтовъ и формъ разнородныхъ растений, животныхъ, минераловъ невольно создаетъ въ душѣ ребенка не только разнообразіе вкуса, но и своеобразную любовь и симпатію къ изящному, ко всему тому, что естественно и что соответствуетъ природѣ вещей, и вотъ въ этомъ то существенно важномъ

условіи, несомнѣнно, и скрыть первый толчекъ для дальнѣйшаго развитія въ ребенкѣ эстетическихъ чувствъ. Слыша изъ устъ отца и матери, что все въ природѣ, отъ ничтожной мелкой песчинки до грандіозныхъ и величественныхъ горъ, съ ихъ богатою и роскошною растительностью, съ ихъ разнообразными формами живыхъ существъ, до неба съ звѣздами, все создано Всемогущимъ Богомъ, въ его душѣ впервые возникаетъ великое и святое чувство любви и благодарности Творцу за все Имъ созданное, которое и является основою для дальнѣйшаго развитія религиозныхъ чувствъ.

Ребенокъ, совершенно незамѣтно для себя и для взрослыхъ, производя наблюденіе надъ каждымъ предметомъ природы въ отдѣльности, въ то же время приучается созерцать природу и во всей ея совокупности. Если наблюденіе отдѣльныхъ предметовъ и ихъ частей увеличиваетъ въ душѣ ребенка запасъ свѣдѣній или—вѣрнѣе—количество впечатлѣній и представленій, то созерцаніе природы во всей ея совокупности является могучимъ стимуломъ къ развитію въ его душѣ эстетическихъ чувствъ. Ребенокъ, благодаря постоянному созерцанію природы, постоянно изо дня въ день испытываетъ въ душѣ то чувство радости, наслажденія и удовольствія, которое, при дальнѣйшемъ его развитіи, формируется въ опредѣленное чувство прекраснаго и изящнаго. Самый главный и существенный законъ, извѣстный въ эстетикѣ подъ именемъ пропорціональности формъ и очертаній, инстинктивно воспринимается ребенкомъ рядомъ безконечнаго числа наблюденій надъ предметами природы, и если его умъ не въ силахъ этотъ законъ формулировать словами (меньшая часть такъ должна относиться къ большей, какъ большая къ цѣлому), зато онъ его чувствуетъ и испытываетъ на каждомъ шагѣ.

Сомнѣваться въ томъ, что природа способна вліять на развитіе эстетическаго чувства дѣтей, значило бы отвергать всѣ тѣ высокопоэтическія произведенія, которыми обладаетъ каждый народъ и который свое вдохновеніе черпалъ и черпаетъ только изъ созерцанія красоты природы. Высоко-ху-

дожественныя и мелодичныя пѣсни того же простаго народа, всегда, постоянно и неразлучно живущаго среди природы, развѣ онѣ не доказываютъ могущественнаго вліянія внѣшней среды на проявленіе эстетическихъ чувствъ? Сравните народную пѣсню, созданную пахаремъ-крестьяниномъ, съ пѣснею фабричнаго, ведущаго образъ жизни горожанина, и вы сейчасъ же почувствуете величіе и силу природы деревни и всю бездушность и пошлость вліянія иной жизни, иныхъ условій, гдѣ люди значительно удалились отъ деревни и отъ ея природы!.. Если въ деревнѣ развитіе эстетическихъ чувствъ дѣтей совершается незамѣтно и даже безъ всякаго въ томъ участія и помощи со стороны взрослыхъ (воспитателей), то также эстетическая задача воспитанія, нерѣдко съ невѣроятными усиліями и вполне безуспѣшно, исполняется искусственно въ городѣ учителями и специалистами всякаго рода и вида изящныхъ искусствъ; практикуемые ими способы развитія эстетическихъ чувствъ дѣтей—продуктъ буквально искусственности и дѣланности жизни городскихъ обывателей, при чемъ способы эти, нерѣдко убивая въ дѣтяхъ самобытность и независимость ихъ развитія, втискиваютъ самое проявленіе эстетическихъ чувствъ въ форму, созданную уже заранѣе по условленному плану и масштабу; такъ называемыя занятія изящными искусствами въ до-школьный періодъ жизни дѣтей (музыкой, пѣніемъ, рисованіемъ и т. д. и т. д.), дѣлая дѣтей нерѣдко вполне *искусственными*, часто и даже очень часто формируютъ изъ нихъ существъ, вполне бездушныхъ, лишенныхъ всякаго эстетическаго вкуса и чувства... Какъ бы ни показалось страннымъ, а между тѣмъ это фактъ вполне безспорный: несмотря на то, что городскія дѣти слишкомъ рано пріучаются видѣть въ музеяхъ и на картинкахъ массу предметовъ, исполненныхъ крайне изящно и красиво; несмотря на то, что они часто слышатъ артистическое исполненіе музыкальныхъ пьесъ великихъ композиторовъ, и, далѣе, несмотря на раннее знакомство дѣтей съ произведеніями великихъ поэтовъ,—различіе ихъ эстетическаго чувства, все-таки, не можетъ получить

ни правильного, ни вполнѣ нормальнаго направленія—подобное чувство возникаетъ и получаетъ прочные устои для своего дальнѣйшаго развитія лишь путемъ созерцанія природы и постояннаго общенія съ нею!.. Тотъ, кто далекъ отъ природы, тому чужды и ея красоты; тому же, кто не видѣлъ и не чувствовалъ этихъ красотъ, тому чуждо и самое эстетическое чувство! Въ самомъ дѣлѣ: наши великiе поэты, художники и музыканты, создавая свои безсмертныя произведенiя, гдѣ и въ чемъ находили и находятъ источникъ силъ для своихъ вдохновенiй? Среди красоты природы, среди тѣхъ ея явленiй, которыя возбуждали и ихъ умъ, и ихъ сердце, и ихъ дарованiя... Если же это такъ, то и понятъ ихъ безсмертныя произведенiя способны лишь тѣ, кто хотя бы въ тысячной долѣ сумѣлъ почувствовать то воздѣйствiе на него природы, которое въ высокодаровитыхъ натурахъ довело развитiе эстетическаго чувства до предѣловъ высокаго поэтическаго творчества!

Если условiя деревенской жизни, въ сравненiи съ городской, болѣе способствуютъ усиленному развитiю эстетическихъ чувствъ, то тѣ же условiя болѣе располагаютъ къ проявленiю и чувствъ религiозныхъ. Деревня пока еще не знаетъ того индифферентизма въ дѣлѣ вѣры и исполненiя обрядовъ церкви, какой мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ въ городахъ. Въ деревнѣ религiозное настроенiе пока еще сохранилось въ народной массѣ и молитва къ Творцу не обратилась въ пустую форму, въ обрядность, какую, къ прискорбию, мы замѣчаемъ въ городахъ, и въ этомъ отношенiи природа играетъ также не малую роль. Въ созерцанiи природы не только взрослые, но и дѣти находятъ серьезный стимулъ къ познесенiю своихъ чувствъ и мыслей къ ея Создателю... Городъ, съ его вѣчною сутолокою, постоянными заботами дѣловаго характера, мѣшаетъ чистотѣ помысловъ въ молитвѣ къ Богу... Подобное же настроенiе души взрослыхъ невольно передается и ихъ питомцамъ, а при такихъ условiяхъ можетъ ли быть рѣчь о правильномъ развитiи религiознаго чувства въ дѣтяхъ, которая все время,

нена, что врачи *всегда* могутъ быть найдены, въ особенностн, если постоянно и неуклонно слѣдить за временнымъ мѣстопробываніемъ даннаго врача, что всегда возможно, путемъ ли личной съ нимъ переписки, или инымъ какимъ-либо способомъ. Какъ бы то ни было, но безусловно полезно и необходимо, чтобы каждая мать, уѣзжая въ деревню на продолжительное время, запаслась маленькой аптечкой, по совѣту дѣтскаго врача, и прибѣгала къ ея пользованію лишь въ случаяхъ крайнеі необходимости.

Если борьба съ дѣтскими болѣзнями можетъ быть обставлена въ деревнѣ настолько удовлетворительно, что всякіе печальные случаи окажутся устранимыми, если не вполне, то въ равной степени съ тѣмъ, какъ если бы семья жила въ городѣ, то все же существуютъ и неустранимы такія условія деревенской жизни (всецѣло уже зависящія отъ самой семьи), которыя могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оказаться крайне неблагоприятными для духовнаго развитія дѣтей.

Не только въ первые годы жизни дѣтей, но и въ годы отрочества и юности, точно такъ же, какъ и въ остальные періоды жизни взрослого человѣка, растительные процессы всегда были и будутъ очень могущественными. Таковъ характеръ человѣческаго организма и въ этомъ отношеніи онъ вполне тождественъ со всѣми животными. Условія деревенской жизни, несомнѣнно, болѣе способствуютъ развитію растительныхъ процессовъ, чѣмъ городской, и такимъ образомъ, при изобиліи питанія и притомъ веществами, содѣйствующими развитію жира, легко можетъ случиться, что дѣти приобретутъ наклонность къ лѣни и, оказываясь по внѣшнему виду вполне цвѣтушими, въ то же время стануть проявлять не только вялое усвоеніе впечатлѣній внѣшняго міра, но и слабую на нихъ реакцію. Мы глубоко цѣнимъ любовь матери къ ея дѣтямъ, мы совершенно понимаемъ то ея горделивое чувство, когда ея дѣти, по внѣшнему виду, являются крѣпкими и сильными; но мы никогда не можемъ одобрить до-

пущеніе *преобладанія* въ дѣтскихъ организмахъ растительныхъ процессовъ надъ всякими иными: пусть дѣти будутъ физически крѣпкими, но пусть, въ соотвѣтствіи съ этимъ, будетъ столь же здоровымъ, крѣпкимъ и ихъ внутренній душевный міръ. Въ полной гармоніи физическихъ и духовныхъ силъ залогъ счастья будущей жизни дѣтей. Преобладаніе духовнаго развитія надъ физическимъ, столь часто замѣчаемое въ дѣтяхъ, живущихъ въ городахъ, столь же вредно и столь же нежелательно, какъ и преобладаніе растительныхъ процессовъ надъ духовными въ деревенскихъ дѣтяхъ. Вотъ почему, въ виду вполне благоприятныхъ условій жизни въ деревнѣ для усѣннаго развитія растительныхъ процессовъ въ дѣтихъ, воспитательница-мать всегда должна находиться на стражѣ и никогда и ни при какихъ условіяхъ не должна потворствовать тому, что могло бы нарушить гармонію растительной жизни ея дѣтей съ ихъ духовнымъ развитіемъ. Подобное нарушеніе гармоніи въ результатѣ всегда влечетъ развитіе дѣли, и для того, чтобы избѣжать подобнаго, вполне нежелательнаго, явленія въ жизни дѣтей, необходимо обставить жизнь ихъ такъ, чтобы траты физическихъ силъ организма были бы въ соотвѣтствіи съ его питаніемъ. Достигнуть этого возможно лишь при условіи привитія дѣтямъ любви къ труду — физическому въ особенности и къ постоянному преслѣдованію ихъ бездѣятельности. Въ этомъ отношеніи, какъ матери-воспитательницѣ, такъ и другимъ членамъ семьи, необходимо зорко слѣдить не только за дѣтьми, но и лично за собою и, въ равной степени, не допускать въ своей жизни, какъ и въ дѣтской, преобладанія растительныхъ процессовъ надъ другими, служа такимъ образомъ дѣтямъ примѣромъ постоянной и непрерывной энергіи и дѣятельности. Кто же, какъ не взрослые, должны создать для дѣтей такую среду, которая исключала бы въ нихъ всякую вялость, апатичность и инертность?

Къ числу новыхъ, но уже вполне мнимыхъ, неудобствъ воспитанія дѣтей въ деревнѣ, нѣкоторыя изъ матерей при-

соединяють и то, что ихъ дѣтямъ „невольно“, какъ онѣ выражаются, придется постоянно жить или среди взрослыхъ, или въ одиночествѣ — словомъ, вмѣстѣ товарищей-сверстниковъ и подругъ. Благодаря знакомству съ другими семьями, въ городахъ дѣти—подростки часто проводятъ время вмѣстѣ, что окажется крайне затруднительнымъ въ деревнѣ, благодаря дальности разстоянія одного помѣстья отъ другого.

Мы не можемъ признать справедливости подобнаго замѣчанія и не потому, чтобы считали болѣе полезнымъ для дѣтей проводить жизнь среди взрослыхъ или въ одиночествѣ, а потому, что въ деревнѣ, въ равной степени, какъ и въ городѣ, возможно подыскать для дѣтей товарищей и подругъ, именно: изъ дѣтей крестьянскихъ семей. Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, издавна, существуетъ предрассудокъ допускать общеніе между дѣтьми, если не одного и того же сословія, то, во всякомъ случаѣ, близкихъ въ какомъ либо отношеніи по общественному положенію родителей. Выборъ товарищей для своихъ дѣтей дѣлають родители, устраняя въ въ этомъ случаѣ желаніе и вкусы самихъ дѣтей. Подобное насиліе надъ дѣтскою природою всегда вредно отзывается на духовномъ развитіи дѣтей: искусственно подобранныя дѣти проявляютъ обыкновенно полный индифферентизмъ другъ къ другу, представляя невѣроятное мученіе для взрослыхъ, обязанныхъ придумывать имъ „интересныя занятія“. Поэтому задача матери-воспитательницы, живущей въ деревнѣ, должна состоять въ подысканіи дѣтей-подростковъ изъ крестьянскихъ семей для компаніи съ своими дѣтьми, а эти послѣднія не замедлятъ сдѣлать выборъ между ними, согласно своимъ вкусамъ и симпатіямъ. Когда же товарищи будутъ отысканы, дѣтямъ необходимо предоставить полную свободу занятій и дѣйствій, конечно, не угрожающихъ жизни и здоровью. Бояться въ данномъ случаѣ какого-либо вреднаго воздѣйствія „дѣтей крестьянской семьи“ на собственныхъ чадъ—нѣтъ никакихъ основаній или во всякомъ случаѣ, опасность, въ равной степени, таже, какъ и при общеніи дѣтей, подобранныхъ по вкусу родителей изъ

среды, подходящей по общественному положенію, потому что кто же можетъ поручиться, что дѣти этой избранной среды, испорченныя няньками и развращенными до мозга костей француженками—гувернатками, когда то раньше бывшими простыми горничными, не окажутъ вреднаго вліянія на физическое и умственное развитіе тѣхъ дѣтей, для которыхъ столь тщательно и столь внимательно были сдѣланы подборъ для совмѣстныхъ игръ и забавъ? Деревенскія дѣти вовсе не представляютъ собою тѣхъ дѣтей „улицы городовъ“, которыя потеряли все „дѣтское“ и стали взрослыми въ полномъ смыслѣ этого слова, являясь физически и духовно вполне испорченными тяжелыми и отвратительными условіями жизни ихъ семей. Въ деревнѣ подобной порчи дѣтей нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ нѣтъ тѣхъ растлѣвающихъ и губящихъ условій жизни, какими богаты всѣ наши густо-населенные города, а въ особенности столицы. Устраненіе же дѣтей отъ общихъ занятій, игръ, забавъ и развлеченій, по имя лишь того, что дѣти различныхъ сословій, или различныхъ общественныхъ положеній ихъ родителей, не должны быть допускаемы до взаимнаго общенія, изъ опасенія приобрести, якобы, дурныя манеры и мѣщанскія привычки, намъ кажется лишь отголоскомъ того чванства и того барства, которое въ основу воспитанія своихъ дѣтей кладетъ не заботу о развитіи чувствъ и способностей дѣтей, а созданіе такого рода манекеновъ, куколъ, которые, ставъ взрослыми, могутъ, правда, имѣть иногда даже и большой успѣхъ въ жизни, но которые навсегда потеряли образъ и подобіе человѣка въ истинномъ смыслѣ этого слова!.. Мать, искренно любящая своихъ дѣтей, желающая имъ счастья и мечтающая изъ нихъ создать полезныхъ и вѣрныхъ сыновъ родины, должна стать выше подобнаго предразсудка и въ дѣло развитія духовныхъ силъ своихъ дѣтей никогда не вносить ни принципа сословности, ни принципа однородности общественнаго положенія. Она должна заботиться лишь объ образованіи человѣка, носящаго образъ и подобіе Бога!..

Въ числѣ другихъ неудобствъ жизни въ деревнѣ, нѣко-

торые указываютъ еще на *невольную* необходимость для матери отрѣшиться отъ всякой личной жизни и дѣятельности, всецѣло посвятивъ себя заботамъ о воспитаніи дѣтей. Какъ бы ни была велика любовь матери къ дѣтямъ, какъ бы ни было велико сознание ея своихъ обязанностей, все же она человекъ, и ничто человѣческое ей не можетъ быть чуждо, а поэтому отрѣшеніе ея отъ личной жизни и дѣятельности и посвященіе себя исключительно интересамъ домашняго воспитанія — было бы равносильно принесенію себя въ жертву. Подобной жертвы не только нельзя требовать, но даже и желать, такъ какъ въ результатъ такого самопожертвованія можетъ оказаться скорѣе вредъ, чѣмъ польза для самого же дѣла воспитанія дѣтей. А если такъ, то жизнь въ деревнѣ, замѣтятъ намъ, *невольно* ставитъ интеллигентную женщину въ полную невозможность, на ряду съ воспитаніемъ дѣтей, посвятить свое время и свой трудъ какому либо другимъ занятіямъ личнаго характера. Въ городѣ жизнь, въ этомъ случаѣ, представляетъ болѣе интереса и болѣе поводовъ къ дѣятельности нашей интеллигентной женщины: участіе, напр., ея въ разнородныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ, занятіе изящными работами (живописью, рисованіемъ, музыкою, пѣніемъ и т. п.) и, наконецъ, дѣятельностью служебною, приносящею даже извѣстную матеріальную выгоду. Всего этого интеллигентная женщина лишена въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ не только общества, подходящей среды, которая могли бы возбуждать энергію ея къ труду и любовь къ общественному служенію на пользу человечества, но нѣтъ и самыхъ приспособленій для достиженія многихъ специальныхъ цѣлей, какъ-то: музеевъ, выставокъ, общественныхъ собраній, и т. п. Въ деревнѣ, подчасъ, не всегда найдешь достаточное число книгъ для духовной пищи, не говоря уже о томъ, что нѣтъ ни библиотечекъ, ни вполне подходящей среды для обмѣна мыслями въ сферѣ какихъ-либо однородныхъ специальныхъ занятій. Что же касается до занятій, которые могли бы давать интеллигентной женщинѣ и матеріальную выгоду, то подобныя за-

занятія отсутствуютъ вполне. При наличности такихъ условій дѣятельность интеллигентной женщины, поселившейся съ семьею въ деревнѣ, неминуемо должна быть сосредоточена исключительно лишь въ сферѣ заботъ о воспитаніи дѣтей и въ области домашняго хозяйства.

Какое глубокое заблужденіе и какое жалкое и поразительно убогое знакомство съ условіями жизни въ деревнѣ! Всякая интеллигентная женщина, благодаря своему уму, энергіи и настойчивости въ достиженіи желаемыхъ цѣлей, живя въ деревнѣ, неизмѣримо болѣе можетъ найти поводовъ и причинъ къ проявленію вполне производительнаго труда, чѣмъ въ городѣ, гдѣ, къ прискорбію, жизнь и дѣятельность громаднаго большинства представителей интеллигентной среды, по преимуществу, слагается изъ массы „словъ“, влекущихъ за собой самые ничтожные результаты по отношенію къ „дѣлу“. Правда, что занятія чисто эстетическаго характера — какъ то музыкаю, пѣніемъ, живописью, рисованіемъ, — далеко не могутъ быть столь успѣшны въ деревнѣ, какъ въ городѣ. Но за то для интеллигентной женщины открывается въ деревнѣ широкая дѣятельность въ сферѣ всѣхъ иныхъ профессій, не исключая даже и чисто научныхъ изслѣдованій, за весьма немногими, конечно, исключеніями. Въ особенности же широка и плодотворна ея дѣятельность можетъ быть въ разнородной сферѣ общественнаго призрѣнія (устройства приютовъ, богадѣльнъ, домовъ трудолюбія, яслей), общественнаго народнаго образованія (устройства школъ, библиотекъ, чтеній и т. д.), насажденія народныхъ промысловъ (устройства мастерскихъ, техническихъ школъ) и, наконецъ, въ области сельскаго хозяйства въ широкомъ смыслѣ этого слова, при чемъ эта отрасль занятій не только способна представить интеллигентной женщинѣ полную возможность полезнаго приложенія ея силъ и способностей, но и дать ей такую матеріальную выгоду, какую не приноситъ ни одна изъ профессиональныхъ должностей въ городѣ.

Вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи женщины

крайне важны, и на него въ послѣднее время, какъ общество, такъ и правительство обратили, наконецъ, должное вниманіе. Важность его, съ нашей точки зрѣнія, заключается не только въ томъ, что при дѣятельномъ участіи женщины въ трудахъ мужа по сельскому хозяйству возможно ожидать значительныхъ успѣховъ въ области сельско-хозяйственной промышленности, но и въ томъ, что первоначальное воспитаніе дѣтей обязательно будетъ перенесено изъ городовъ въ деревни, что, въ конечномъ результатѣ, должно повлечь къ созданію болѣе сильнаго (физически и духовно) поколѣнія дѣтей, чѣмъ то наблюдается въ настоящее время. Въ запискѣ¹⁾, поданной Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, въ мартѣ 1897 г., группою лицъ, интересующихся сельско-хозяйственнымъ образованіемъ женщины, между прочимъ, указывается на то, что „движеніе землевладѣльцевъ въ городъ, возникшее съ 60 годовъ, перенося семью изъ здоровой деревенской обстановки въ антигигіеническія условія городской жизни, дало просторъ развитію многихъ болѣзненныхъ началъ и тѣмъ увеличило количество слабыхъ и нервныхъ представителей нашей интеллигенціи. Женщина, желающая снискивать себѣ средства существованія, по необходимости, должна избирать въ городахъ такое занятіе, которое ее отдѣляетъ отъ семьи, заставляя большую часть времени проводить внѣ дома“. „Эго неудобство, по словамъ той же записки, въ значительной степени, отпадаетъ при занятіи сельскимъ хозяйствомъ. Если женщина въ деревнѣ найдетъ заработокъ, дѣло—у нея возникнетъ и интересъ къ деревнѣ, и она подольше удержитъ около себя и дѣтей, которыя выростутъ здоровыми, привыченными къ труду и къ правильной оцѣнкѣ условныхъ жизненныхъ благъ. При такихъ условіяхъ самыя семейныя

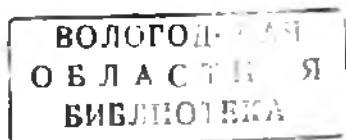
¹⁾ Сборникъ по Сельско-хозяйств. Образов. 1898 г. Выпускъ 1. Женское Образованіе. Проектъ женскаго сельско-хозяйственнаго института. Стр. 47—48.

начала неминуемо будутъ поддержаны и всецѣло сохранены. Постоянное сношеніе интеллигентной женщины съ мѣстнымъ населеніемъ заставитъ ее войти въ его нужды, помогать ему совѣтомъ, знаніемъ и сердечностью, что, несомнѣнно, окажетъ благотворное вліяніе, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи на крестьянъ...“ причемъ, добавимъ лично отъ себя, подобная дѣятельность жены и матери, несомнѣнно, окажетъ столь же благотворное вліяніе и на прочность умственного и нравственного воспитанія дѣтей. Дѣйствительно, кто же какъ не мать, съ первыхъ лѣтъ жизни дѣтей, сознательно и помимо своихъ желаній прививаетъ этимъ послѣднимъ и симпатіи, и антипатіи къ людямъ, къ ихъ дѣйствіямъ, поступкамъ и занятіямъ и вообще къ ихъ труду?.. Если мать не любитъ деревни, если въ деревнѣ она не находитъ подходящихъ для своего ума и сердца занятій, однѣ заботы о воспитаніи дѣтей ее не удовлетворяютъ, и она станетъ тяготиться жизнью, что безусловно вредно отразится на характерѣ дѣтей. Вотъ почему, покидая городъ и переѣзжая въ деревню, мать *никогда и ни при какихъ условіяхъ* не должна объ этомъ сожалѣть при дѣтяхъ, да сожалѣнія и быть не можетъ, если мать съумѣетъ найти себѣ въ деревнѣ дѣло и сразу покинуть взглядъ на жизнь, господствующій въ городской атмосферѣ, гдѣ, по традиціи, уважается часто не трудъ, не человѣкъ, а карьера, легкій успѣхъ въ жизни, и гдѣ на деревню сморгятъ какъ на пріютъ „служебныхъ неудачниковъ“ и инвалидовъ въ сферѣ служебно-чиновничьей...

Мы вѣримъ, что интеллигентная женщина въ деревнѣ найдетъ для себя не мало занятій, которыя съумѣютъ заинтересовать и ея умъ, и ея сердце, и праздность не станетъ ея удѣломъ за предѣлами исполненія ея обязанностей, какъ матери. Мы вѣримъ, что она съумѣетъ не только занять свои силы и способности полезнымъ трудомъ для общаго дѣла, но она найдетъ возможность увеличить и матеріальныя средства своего мужа, путемъ ли личнаго заработка или

путемъ сокращенія какихъ-либо расходовъ по хозяйству. Все это, удовлетворяя потребности личнаго существованія, въ то же время, создаетъ такую русскую мать-воспитательницу, которая съумѣетъ воспитать дѣтей на славу и гордость нашей родины, дорогой Россіи!.

Ив. Ос. Фесенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ УКАЗАНИЯ.

Кромѣ книгъ и статей, на которыя сдѣланы ссылки въ самой брошюрѣ, можно указать еще слѣдующія сочиненія:

А. Захарьинъ, Здоровье и воспитаніе въ городѣ и за городомъ. Москва, 1873 г.

А. Шульцъ, Воспитаніе на вольной природѣ. Пер. А. Виреніуса. Спб., 1896.

В. Бейленръ, Объ оздоровленіи городовъ. Москва, 1884 г.
Эскиросъ, Эмиль XIX в. Спб., 1871 г.

6571

05

„РОДИТЕЛЬСНІЙ КРУЖОКЪ“
при Педагогическомъ музеѣ в.-учебн. завед. въ Спб.

Съ 1 января 1898 г. издается, подъ общей редакціей

П. В. Калтерева.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ,

обнимающія всѣ, по возможности, вопросы воспитанія и обученія дѣтей, преимущественно дошкольнаго возраста. Она выходитъ отдѣльными выпусками, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ одну или двѣ законченныя статьи по извѣстному вопросу. При составленіи статей преслѣдуются двѣ цѣли: строгая научность содержанія и общедоступность изложенія.

Въ составленіи „Энциклопедіи“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Алексій Ник. Альмедитенъ, П. В. Арельсъ, К. Д. Беляшова, М. М. Бобринцева-Пушкина, приватъ-доцентъ Ю. П. Вагнеръ, д-ръ М. Д. Вакъ-Путернкъ, д-ръ А. С. Вирскіусъ, д-ръ В. В. Гориневскій, д-ръ Е. М. Демитъсъ, профессоръ Спб. консерваторіи В. В. Демянскій, Д. А. Дрига, К. В. Ельницкій, П. С. Карцовъ, А. М. Калмыкова, Е. Я. Корсакова, профессоръ П. П. Кошелевскій, П. Ф. Кони, профессоръ П. Ф. Легафитъ, д-ръ А. К. Лимбергъ, А. А. Литвинскій, священникъ А. И. Маларевскій, д-ръ М. П. Манасина, протоіерей посольской церкви въ Берлинѣ А. П. Мальцевъ, П. Г. Мажуевъ, профессоръ П. Н. Милукова, д-ръ М. П. Нижегородцевъ, Алексій Ник. Острогорскій, В. П. Острогорскій, О. Х. Павловичъ, В. В. Поворинская, А. Ф. Поворинскій, д-ръ П. И. Поповъ (Казахъ), приватъ-доцентъ П. Я. Розенбахъ, профессоръ И. А. Сихорскій, К. К. Семтъ-Илсра, Н. П. Урсинъ, И. О. Фесенко.

Все наданіе предполагается окончить въ три года.

Для желающихъ получать „Энциклопедію“ по мѣрѣ выхода ОТКРЫТА ПОДПИСКА на слѣдующихъ условіяхъ: за всю „Энциклопедію“ съ доставкою и пересылкою 12 рубл., при чемъ допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р., по полученіи 25 выпуска—4 р. и по полученіи 50 вып.—3 р. При продажѣ отдѣльныхъ выпусковъ и по выходѣ всей „Энциклопедіи“—цѣна будетъ повышена.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ слѣдуетъ высылать на имя завѣдывающаго издавіемъ „Энциклопедіи“ *Алексія Николаевича Альмедитена* (С.-Петербургъ, Моховая, д. 1).